

И.Селезнев

НА СТРАЖЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DOI:10.20542/2073-4786-2018-2-97-108

В 2017 г. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) отметила 15-летие своего создания и четвертьвековую годовщину подписания Договора о коллективной безопасности. ОДКБ играет значимую роль в обеспечении мира и безопасности, в противодействии угрозам терроризма, экстремизма и сепаратизма, в борьбе с незаконным производством и оборотом наркотиков в постсоветских государствах, в первую очередь – в Средней Азии. Помимо участия в ОДКБ, страны региона активно вовлечены в работу Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая также ориентируется в своей деятельности на поддержание безопасности в Центральной Азии. Напомним, что Казахстан, Киргизия, Таджикистан входят в ОДКБ, а Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан – члены ШОС. Туркмения остается нейтральным, неприсоединившимся к этим блокам государством.

Методологически наш анализ исходит из положений институционализма, сформулированных Т.Вебленом. Социальный институт рассматривается как совокупность общественных обычаев, норм, устоявшихся привычек поведения, образа мысли и образа жизни, передаваемых из поколения в поколение. Социальный институт возникает из необходимости удовлетворения социальных потребностей общества и в процессе своего развития претерпевает несколько стадий эволюции.¹

Динамика развития социальных институтов включает взаимосвязь следующих процессов: жизненный цикл института от момента его зарождения до исчезновения/трансформации; функционирование зрелого института, выполнение его социально значимых функций, появление и преодоление дисфункций; эволюция института, изменение вида, свойств, формы и содержания на историческом отрезке времени; возникновение новых и отмирание старых функций и дисфункций, как явных, так и латентных.

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 200-201, 217.

Межгосударственная интеграция рассматривается нами в качестве социального института, отвечающего коллективным потребностям государств и принимающего различные организационные формы, в частности, отвечающего потребности евразийских государств постсоветского пространства проводить независимую политику и обеспечивать собственную безопасность, что предполагает расширение связей в рамках таких структур, как ОДКБ и ШОС.²

Основными угрозами безопасности в центральноазиатском регионе остаются: деятельность экстремистских организаций, направленная на дестабилизацию обстановки в странах региона; создание и деятельность незаконных вооруженных формирований; распространение и транспортировка наркотиков, рост влияния наркомафии; незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и т.п.; социально-политическая нестабильность в странах региона; наличие вблизи границ очагов военных конфликтов; распространение влияния международных террористических организаций, усиление позиций религиозного экстремизма.

Региональной спецификой является соседство Афганистана – государства, лидирующего в мире по террористической активности (до 30% всех терактов, совершаемых в мире).³ Поиск ответов на эти вызовы идет как по линии национальных силовых структур, так и в рамках отвечающей за коллективную безопасность и координацию оборонной политики ОДКБ. С 2001 г. по решению глав четырех государств-участников ОДКБ – России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана – существуют Коллективные силы быстрого развертывания центральноазиатского региона (КСБР). В 2009 г. военный потенциал ОДКБ был усилен – созданы Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР).

Очередное заседание Совета коллективной безопасности (СКБ) с участием глав государств-членов организации прошло в Минске 30 ноября 2017 г. На саммите была принята Декларация глав государств-членов ОДКБ в связи с 25-летием подписания Договора о коллективной безопасности и 15-летием создания ОДКБ,⁴ а также заявления «О совместных мерах по укреп-

² Селезнев И.А. Роль институциональных структур в процессе евразийской интеграции // Социально-гуманитарные знания, 2016, №6. С. 210-211.

³ Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам-членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях / Под. ред. И. Н. Панарина, А. А. Казанцева. – М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; ИМО МГИМО МИД РФ, 2017. С. 6.

⁴ Декларация глав государств-членов ОДКБ в связи с 25-летием Договора о коллективной безопасности и 15-летием ОДКБ [URL: http://odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=12030]

лению оборонного потенциала государств-членов ОДКБ», «О ситуации в Сирии и вокруг нее», «О поддержке посреднических усилий сопредседателей Минской группы ОБСЕ по нагорно-карабахскому урегулированию».

СКБ утвердил план реализации Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. и принял решение «О правовом оформлении института партнерства в формате ОДКБ». Учитывая актуальность проблемы, было принято решение «О совершенствовании мер по противодействию незаконной миграции», которое предусматривает придание операции «Нелегал» статуса постоянно действующей региональной программы ОДКБ, было утверждено соответствующее положение.⁵ Обсуждались и такие вопросы, как возможность отправки миротворческого контингента ОДКБ в Донбасс и в зоны деэскалации в Сирии.

По мнению экспертов, одним из практических результатов юбилейного саммита стало разрешение таможенно-пограничного кризиса, связанного с усилением досмотрового режима и фитосанитарного контроля с казахстанской стороны, и преодоление межгосударственных противоречий между Казахстаном и Кыргызстаном в результате личной встречи на сессии СКБ лидера Республики Казахстан Н.Назарбаева и новоизбранного президента Киргизской Республики С.Жээнбекова.⁶

На предыдущей сессии СКБ в 2016 г. в Ереване был определен перечень угроз странам-участницам ОДКБ – вербовка в ряды террористических организаций, международный терроризм, разжигание межрелигиозной и межэтнической розни, наличие неурегулированных территориальных споров с соседними государствами, неконституционное изменение государственного строя. Для решения этих задач лидеры государств договорились совершенствовать обороноспособность стран ОДКБ, расширять военнотехническое сотрудничество, активизировать взаимодействие в борьбе с терроризмом, улучшать взаимодействие по охране границ. Также было принято решение о создании единого списка организаций, признанных террористическими в странах ОДКБ. Значимым итогом встречи стало создание Центра кризисного реагирования ОДКБ, который будет взаимодействовать с национальными силовыми структурами стран ОДКБ.⁷

⁵ Уставные органы ОДКБ, 01.12.2017. [URL: http://www.odkb-csto.org/authorized_organs/detail.php?ELEMENT_ID=12028&SECTION_ID=160]

⁶ Казахстан – Кыргызстан: ОДКБ сближает. [URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/11/30/kazahstan-kyrgyzstan-odkb-sblizhaet-45168.html>]

⁷ Созаев-Гурьев Е. Страны ОДКБ усилят борьбу с терроризмом // Известия. 14.10.2016. [URL: <http://izvestia.ru/news/638495>]

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Шанхайская организация сотрудничества не является военно-политическим блоком, но, исходя из ее уставных целей и задач, «совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе» периодически встает на повестку дня.⁸ По заявлению официального представителя МИД КНР Кун Цюаня, ШОС была создана из соображений нанесения ударов по «трем силам» – терроризму, сепаратизму и экстремизму, которые являются главной угрозой миру и стабильности в регионе.⁹

Одним из первых документов ШОС стала «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». В ней впервые на международном уровне закреплялось определение сепаратизма и экстремизма как насильственных, преступных, преследуемых в уголовном порядке деяний.¹⁰ В рамках ШОС учрежден координирующий орган по противодействию терроризму – действующая на постоянной основе Региональная анти-террористическая структура (РАТС) в Ташкенте.

Интересы России в Центральной Азии, по мнению экспертов, определяются следующими факторами: (1) наличие сокращающегося, но все же достаточно многочисленного русского населения, зачастую подвергающегося дискриминации в государствах региона; (2) неустойчивость границ, нередко произвольно установленных между союзными республиками в советский период; копившиеся веками территориальные споры, межнациональные (межклановые) конфликты как между, так и внутри новых независимых государств; соседство с хронически нестабильным Афганистаном – все это грозит дестабилизацией ситуации в регионе и возникновением «вакуума влияния», который будет заполнен криминальными и фундаменталистскими структурами, что в условиях фактической прозрачности границ угрожает безопасности самой России; (3) наличие в регионе значительных запасов энергоносителей привлекает к нему внимание внешних сил, заинтересованных в геоэкономическом вытеснении из него России, пока еще сохраняющей контроль над значительной частью системы экспортных нефте- и газопроводов.¹¹

⁸ О Шанхайской организации сотрудничества. [URL: http://rus.sectsc.org/about_sco/]

⁹ Ответы официального представителя МИД КНР Кун Цюаня на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 09.09.2004. [URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t158990.htm>]

¹⁰ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. [URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/crime/-/asset_publisher/3F51ZsLV5x4R/content/id/579622]

¹¹ Гусев Л.Ю. Россия – Центральная Азия: перспективы отношений // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer, 2005, №12. С. 64-68.

Угроза экстремизма и терроризма в странах Центральной Азии в первую очередь связана с религиозным фактором, распространением мусульманского радикализма (его также называют «политическим исламом», «исламизмом», «джихадизмом»). Исламизм, находящийся в подполье, готов активизироваться в случае любой политической дестабилизации и активно использует социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов. К сожалению, в странах Центральной Азии для этого имеются все необходимые социально-экономические условия (бедность, имущественное неравенство, безработица, коррупция и т.п.). К тому же экстремистские организации в Центральной Азии пользуются международной финансовой и, возможно, военной поддержкой.

Отдельную проблему представляет рост влияния наркомафии, в частности, угроза объединения усилий криминалитета, занятого транспортировкой наркотиков, с террористическими группами. За последние годы практически во всех странах региона наблюдается рост числа наркозависимых людей, что связывается экспертами с нерешенностью проблемы поступления наркотиков из Афганистана. Социально опасной проблемой становится формирование «наркоидеологии джихада» – идеологического обоснования наркоторговли, которая стала рассматриваться как один из действенных инструментов борьбы с Западом и его союзниками. Можно найти и примеры финансирования террористической деятельности из средств, полученных на продаже героина.¹²

Наиболее мощным вооруженным экстремистским формированием, которое продолжает действовать в регионе, остается «Исламская партия (движение) Туркестана» (ИПТ, в 1996–2002 гг. была известна как «Исламское движение Узбекистана» – запрещенная в России террористическая организация). ИПТ ставит своей целью вооруженную борьбу с властями Узбекистана и других государств Центральной Азии за свержение светской власти и установление шариатского правления.

Деятельность ИПТ связана практически со всей террористической активностью и вооруженными мятежами в регионе в постсоветский период. Неудивительно, что в поисках дополнительных источников финансирования новый лидер ИПТ У.Гази заявил о присоединении своей организации к «Исламскому государству» (ИГ – запрещенная в России террористическая организация). Еще в марте 2015 г. в интернете появилось видео, на котором

¹² Селезнев И.А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания, 2017, №4. С. 146.

представители ИПТ присягают Х.Саиду Хану, представителю ИГ («Халифата») в «вилаяте Хорасан» (территориальное отделение ИГ в Афганистане и Пакистане).¹³

В связи с этим ИГ в перспективе представляет особую угрозу для постсоветских государств. В рядах ИГ воевало большое количество выходцев из стран СНГ, некоторые из которых занимали командные посты. Весьма показательной стала история с изменой командира ОМОН МВД Таджикистана подполковника Г.Халимова, который в 2015 г. перешел на сторону ИГ, а с сентября 2016 г. стал военным министром ИГ, сменив убитого Т.Батирашвили, выходца из Грузии (также известного под псевдонимом Абу Умар аш-Шишани).

Немало выходцев из СНГ и в террористических организациях на территории Сирии. По заявлению директора ФСБ России А.Бортникова, после военных поражений, понесенных ИГ в Сирии, террористы проводят перегруппировку сил и направляют боевиков за пределы Ближнего Востока, меняют тактику в пользу приоритета «автономного джихада», ищут способы продолжения своей деятельности на других территориях, в том числе в России.¹⁴

Вербовка новых сторонников ИГ и других экстремистских организаций происходит как непосредственно на территории стран Центральной Азии, так и в России, куда выходцы из этих республик приезжают на заработки. В этой связи особенно актуальна проблема контроля миграционных потоков в РФ из государств, представляющих потенциальную угрозу в распространении радикального исламизма.

Возникает вопрос, как регулировать трудовую миграцию из поставляющих основную массу «гастарбайтеров» безвизовых республик Центральной Азии, граничащих с Афганистаном, то есть являющихся прифронтовыми государствами? Тем более, что миграционные процессы в СНГ, по данным экспертов, свидетельствуют об увеличении этнокультурной и языковой разобщенности вследствие разрушения общих лингвоментальных

¹³ Евразийская интеграция: проблемные звенья и точки роста. Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции». Выпуск №3. М.: ИСПИ РАН, 2017. С. 52-53.

¹⁴ В России в 2017 году было предотвращено 18 терактов. [URL: <http://tass.ru/proisshestviya/4804231>]; Бортников предупредил о смене тактики террористов в сторону «автономного джихада». [URL: <http://tass.ru/politika/4823670>]

скреп народов, имевших общий этнополитический базис в советский период, формируя транскультурный конфликт.¹⁵

Разработка политических и социальных инструментов регулирования миграции внутри таких структур, как Таможенный союз и ЕАЭС, должна учитывать, что за время существования новых независимых постсоветских государств в них сформировалось поколение, выросшее на иных образовательных, исторических, политических, социальных концептуальных установках.¹⁶ Однако до настоящего времени «регулирование» миграционных потоков сводилось к повышению стоимости оплаты рабочих патентов, что может быть оправдано лишь с точки зрения интересов фискальных ведомств, но совершенно бесполезно для обеспечения безопасности.

Эксперты предупреждали об опасности распространения исламизма среди трудовых мигрантов из Центральной Азии, определенный сегмент которых является социальной базой и источником финансирования радикальных исламистских организаций.¹⁷ После теракта в метро Санкт-Петербурга в апреле 2017 г. проблема была озвучена и на официальном уровне: глава ФСБ РФ признал, что основное ядро террористических групп составляют граждане СНГ, прибывшие в Россию в потоках трудовых мигрантов, и призвал принять меры по повышению ответственности должностных лиц, контролирующих соблюдение миграционного законодательства, а также бизнес-структур, использующих труд мигрантов.¹⁸

Правда, есть и некоторый позитивный опыт взаимодействия спецслужб в борьбе с экстремизмом и терроризмом в среде трудовых мигрантов. Появлялись сообщения, что сотрудниками ФСБ и МВД России при активном участии спецслужб Киргизии и Узбекистана была проведена операция по разоблачению и задержанию осенью 2016 г. группы экстремистов, выходцев из стран Центральной Азии, связанных с ИГ и готовивших теракты в Петербурге.¹⁹

¹⁵ Карабулатова И.С., Ракишева Г.М., Абибулаева А.Б. Транскультурный конфликт как этносоциальная девиация современного мира в эпоху глобализации // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки, 2016, №4. С. 19.

¹⁶ Карабулатова И.С., Эбзеева Ю.Н. Транскультурная личность в миграционных процессах Таможенного союза // Социально-гуманитарные знания, 2017, №5. С. 190.

¹⁷ Диков А.Б. Проблема исламизма в контексте миграционной политики России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века - COUNTER-TERRORISM, 2016. №3. С. 16-23.

¹⁸ Глава ФСБ назвал трудовых мигрантов из СНГ костяком групп террористов. [URL: <http://www.rbc.ru/politics/11/04/2017/58ec92ea9a79477def3267f1>]

¹⁹ Задержанные ФСБ боевики готовили взрывы в торговых центрах Петербурга. [URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/104500>]

Распространение исламистского экстремизма с учетом социально-экономической ситуации в регионе остается весьма актуальной угрозой. В Узбекистане, где и при И.Каримове, и после избрания президентом республики Ш.Мирзиёева открытых проявлений исламизма удастся избежать лишь с помощью силовых структур, в случае ослабления центральной власти с высокой степенью вероятности можно ожидать стремительной и массовой радикализации молодежи. Узбекистан, демонстрируя «многовекторность» во внешней политике, будучи одним из государств-основателей ОДКБ, то включался в деятельность этого союза, то выходил из него (последний раз Ташкент заявил о приостановке участия в ОДКБ в 2012 г., и на сегодняшний день республика является членом Движения неприсоединения). Однако, эта страна сохраняет членство в ШОС и продолжает сотрудничество по линии силовых структур в рамках РАТС.²⁰

Кыргызстан находится в зоне риска ввиду ситуации в южной части страны, которая традиционно наиболее исламизирована и в недостаточной степени развита. Там активно действуют вербовщики экстремистских организаций. В рамках соглашений по линии ОДКБ на территории страны размещена российская объединенная воинская группировка, выступающая в роли фактора обеспечения безопасности – авиационная база КСБР в г. Кант, испытательная военно-морская база в г. Каракол, узел связи в п. Чалдовар и автономный сейсмический пункт в г. Майлуу-Суу. В 2016 г. возникла правовая коллизия после заявления тогдашнего президента страны А. Атамбаева, что после окончания срока действия договора российские воинские части «должны будут уйти» с территории Киргизии, но в 2017 г. проблема была решена подписанием двустороннего Соглашения о статусе и условиях пребывания российской объединенной военной базы в Киргизии.

Что касается Таджикистана, то там ситуация схожа с Киргизией. Риск дестабилизации связан с внутренними политическими противоречиями, тем более, что здесь особую роль играет фактор Афганистана. Длительное время принимая экстремистов из стран постсоветского пространства, Афганистан превратился в базу основных террористических организаций в Центральной Азии.

Эксперты отмечают, что среди стран постсоветской Центральной Азии в Таджикистане наиболее высок уровень террористической опасно-

²⁰ Селезнев И.А. Роль институциональных структур в процессе евразийской интеграции // Социально-гуманитарные знания, 2016, №6. С. 147.

сти.²¹ Как показали события в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), граничащей с Киргизией и Афганистаном, там произошла радикализация местной оппозиции, которая готова к открытому вооруженному противостоянию с правящим режимом. К тому же, слабо контролируемая центральной властью ГБАО является важным пунктом на путях наркотрафика.²²

В противостоянии террористической угрозе Таджикистан рассчитывает на помощь союзников по ОДКБ и ШОС. В частности, в обеспечении обороноспособности Таджикистана важную роль играет 201-я российская военная база, входящая в КСБР. Тем не менее и в определении ее правового статуса возникали сложности. Так, в июле 2012 г. Россия заявила о выдвижении таджикской стороной неприемлемых условий продления аренды базы и приостановила ее финансирование. Тем не менее по итогам переговоров между Россией и Таджикистаном срок пребывания базы был продлен до 2042 г. Помимо этого, в Таджикистане размещен такой российский военный объект, как находящийся близ г. Нурек оптико-электронный комплекс «Окно» системы контроля космического пространства, подчиненный ВКС РФ.

Говоря об угрозах безопасности Казахстана, следует отметить, что среди государств Центральной Азии он отличается самым высоким уровнем жизни, наиболее стабильной политико-социальной системой и достаточно сильной армией и спецслужбами, чтобы противостоять экстремизму. Но и здесь отмечается рост влияния джихадизма, а кроме этого, помимо деятельности салафитского подполья, новой тенденцией в формировании экстремистских и террористических групп стала активизация уйгурских сепаратистских организаций, многие из которых связаны с международным исламистским экстремизмом.²³

Важной составляющей интеграционных процессов является российско-казахстанское военно-техническое сотрудничество. В рамках достигнутых между военными ведомствами двух стран соглашений проводятся совместные военные учения попеременно на территории двух государств. Казахстан активно участвует в работе ОДКБ, в частности в учениях КСОР и КСБР. По линии ШОС Казахстан участвует в укреплении антитеррористи-

²¹ Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве / Центр изучения перспектив интеграции. М., 2017. №6. С. 3.

²² Гусев Л.Ю. Борьба с экстремизмом и терроризмом в странах Центральной Азии // Современные евразийские исследования. Саратов, 2016. Вып. 2. С. 64-77.

²³ Гусев Л.Ю. Безопасность в странах Центральной Азии – проблемы и вызовы // Современные евразийские исследования. Саратов, 2016. Вып. 3. С. 7-12.

ческого потенциала организации, в том числе посредством участия в совместных контртеррористических учениях.²⁴

Участие Казахстана в евразийских интеграционных структурах нашло отражение в Военной доктрине республики, определяющей в качестве приоритетных направлений международного военного сотрудничества формирование «нормативной правовой базы в сфере военного и военно-технического сотрудничества с государствами-членами ОДКБ, исходя из необходимости консолидации усилий по созданию единого оборонного пространства и обеспечению коллективной военной безопасности, а также дальнейшего развития сил и средств ОДКБ», а также «углубление стратегического партнерства в рамках ШОС на основе общих военно-политических интересов»²⁵.

Однако, несмотря на плодотворное сотрудничество, по мнению ряда экспертов, Россия и Казахстан зачастую выступают не как партнеры, а как конкуренты. Как отмечается, количество предложений по интеграции подменяет само качество сотрудничества между нашими странами.²⁶ А конкуренцию эту порождает продолжающееся сотрудничество Министерства обороны Республики Казахстан со странами НАТО. В рамках программы «Партнерство во имя мира» США участвовали в переоснащении вооруженных сил Казахстана, поставках техники, подготовке военных кадров. Несколько поколений курсантов из Казахстана получали подготовку в различных военных вузах стран НАТО. В 2008 г. США даже предлагали Казахстану в рамках проекта «Каспийский страж» разместить в казахстанской части акватории Каспия радиолокационную станцию, которая бы стала элементом американской системы ПРО.²⁷ Это не удивительно, поскольку Военная доктрина Казахстана в числе приоритетов международного военного сотрудничества – наряду с «созданием единого оборонного пространства», «обеспечением коллективной военной безопасности» и «углублением стратегического партнерства» в рамках ОДКБ и ШОС – называет также и «расширение сотрудничества в военной и военно-технической областях» с США и государствами Евросоюза.²⁸ Можно согласиться с точкой зрения, что в подобной

²⁴ Военная доктрина Республики Казахстан. [URL: http://military-kz.ucoz.org/index/voennaja_doktrina_kazakhstan/0-47]

²⁵ Там же.

²⁶ Гусев Л.Ю. Сотрудничество России и Казахстана в области безопасности. [URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document188967.pdf>]

²⁷ Цыплин В.Г. Современный этап военного сотрудничества России и Казахстана // Современные евразийские исследования, 2015. Вып. 2. С. 78

²⁸ Военная доктрина Республики Казахстан.

ситуации нашим странам необходим переход от «стратегического партнерства» к реальному стратегическому союзу, в основе которого будет борьба с международным терроризмом, транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и оружия, противодействие всем формам экстремизма.²⁹

Что касается нейтральной Туркмении, до сих пор не участвующей ни в одной из региональных международных интеграционных организаций, то вовлечение ее в орбиту ШОС было бы желательным как с точки зрения определенных деловых кругов России, связанных с нефтегазовым комплексом, так и с учетом интересов КНР. Примечательно, что Россия и Китай упомянуты переизбранным на пост президентом страны Г.Бердымухамедовым в качестве главных стратегических партнеров Туркмении.³⁰

Интерес КНР в значительной степени связан со значительными капиталовложениями в разработку газового месторождения в Южном Иолотане (Галкыныш) и, соответственно, с необходимостью поддержания в республике стабильности³¹. Турмения может стать потенциальной жертвой активности исламистских экстремистов, поскольку на фоне сложной социально-экономической ситуации, снижения уровня жизни существенной части населения, включая молодежь, в стране накапливается неблагополучие в религиозной сфере. Впервые теракты и вооруженные столкновения с исламистскими боевиками произошли в Ашхабаде в 2008 г., в ходе которых подразделения МВД понесли серьезные потери.³²

По мнению экспертов, существует опасность вторжения в Туркмению и вооруженных отрядов из Северного Афганистана. Среди проживающих там туркмен много потомков басмачей, вытесненных из Туркменской ССР в ходе борьбы с басмачеством в 1920–1930-х гг. Поскольку туркмены – это нация племен, то наблюдатели говорят даже об угрозе «ливийского сценария», когда недовольные племена могут не поддержать власть против вторгшихся из-за рубежа боевиков. Именно поэтому в условиях нарастания напряженности в 2015 г. к афганской границе было переброшено до 70%

²⁹ Гусев Л.Ю. Сотрудничество России и Казахстана в области безопасности.

³⁰ Бердымухамедов назвал Россию первой из стратегических партнеров Туркмении. [URL: <https://ria.ru/world/20170219/1488314702.html/>]

³¹ Селезнев И.А. Роль институциональных структур в процессе евразийской интеграции // Социально-гуманитарные знания, 2016, №6. С. 216-217.

³² Аршинов Ю.Е., Казанцев А.А., Лапенко М.В., Притчин С.А. Каспийский регион-2025: международно-правовой статус, экономика и безопасность. Аналитический доклад / Казахстанско-российский экспертный IQ-клуб. Саратов, 2017. С. 69-70.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

туркменской армии. При этом Ашхабад из соображений сохранения нейтралитета официально отрицает угрозу на афганской границе. Это создает сложности в организации международной помощи Туркменистану³³. Тем не менее следует отметить, что руководство республики продолжает сотрудничество в военно-технической сфере с Россией и с другими странами.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что в интеграции стран среднеазиатского региона в оборонной области существуют те же проблемы, что и в других сферах евразийской интеграции. Процесс интеграции не всегда носит последовательный характер, несмотря на его очевидную взаимовыгодность. Тем не менее евразийские межгосударственные структуры показали себя достаточно эффективным средством предотвращения угроз и поддержания мира и стабильности в регионе.

³³ Там же. С. 70-73.